

Белла Кердман

Геверет Юдит, дочь пана Владислава

В начале августа 2022, под завершение моей работы в профессии, стаж которой более семидесяти лет (считая студенческую многотиражку), да и газета, с которой сотрудничаю со времени своего ПМЖ в Израиле, то есть около тридцати лет, прекращает свой выпуск – бумажные издания потеряли спрос, у меня раздался телефонный звонок.

Я не сразу узнала мужской голос – давно не слышала пана Владислава Кравчука из Варшавы. Одно время он регулярно приезжал в Страну, и даже бывал в нашем хостеле. Здесь жила Хена, его землячка по городу, который после войны вместо польского Брацлава стал белорусским Браславом. Пан Владислав, на поколение моложе нас с Хеной, успел все же родиться польским гражданином – в 1946 году, и вовремя переселился в столицу. Однако интереса к месту рождения не потерял.

Выйдя в отставку военным инженером, он занялся выяснением судьбы некоего старого ксендза, спасавшего во время оккупации евреев. Кто-то выдал убежище, немцы его накрыли, и во время расправы вместе с убитыми евреями упал за смертью ксендз. То ли его застрелили, то ли не выдержало сердце. Среди тех, кого спасал праведник, был родной брат нашей хостельянки Хены, которому удалось тогда уцелеть.

Узнав, что я, журналистка, интересуюсь Польшей и немного владею ее языком, Хена познакомила меня со своим гостем. Сама она, кстати, – чудом выжившая в Брацлаве узница гетто, которую прятали по разным схрамам члены семьи христиан-иеговистов. Хена рассказывала, что запомнила на всю жизнь картину: у озера

Владислав Кравчук с молодежью Брацлава у памятника погибшим евреям

на фоне заката стоит в облачении ксендз, и вид у него такой отрешенный, как будто он не от мира сего. «Он молился, разговаривал с Богом». Несколько брацлавян, в том числе и она, поддержали хлопоты пана Кравчука, председателя Польского содружества брацлавян, о присвоении тому ксендзу звания Праведника мира. Она показала мне визитку пана Владислава, и я вступила с ним в переписку.

С одним из варшавских виртуальных посланий пришли ко мне две фотографии, читатель видит одну из них перед собой: памятник евреям Брацлава и окрестностей, погибшим, как свидетельствуют надписи на идише с одной стороны и на русском языке с другой, от рук нацистов. И число жертв – более четырех с половиной тысяч человек. Рядом с памятником на одном снимке – немолодой мужчина, на втором – он же и несколько девушек. «Где это и кто это?» – спросила я. Это на месте массового

уничтожения евреев. И это мой виртуальный визави, пан Кравчук, который регулярно возит в свой родной город польскую молодежь из Варшавы. В Браславе, поясняет он, и сегодня проживает немало граждан Белоруссии – поляков, действует костел, а также Дом польский. День поляка, который становится там новой традицией, собирает соплеменников Кравчука со всего бывшего СНГ.

К польскому языку, да и вообще к Польше, у меня давний интерес, сентимент даже, хотя в родословной моей польских евреев не было и нет. Правда, жили в Варшаве мои приятельницы, Зося и Анна, работали обе в журнале «Жиче и здрове». Первая – полька, вторая – еврейка, участница войны из подразделения, сформированного на территории Союза. Мы познакомились в Международном доме журналистов в Варне, через пару лет встретились, к общей радости, там же. А потом они гостили у меня в Одессе, а я у них.

Когда я собралась на ПМЖ в Израиль, Анка прислала письмо с аргументами контра, ссылаясь на польскую поговорку: «Старые деревья не пересаживают». Она была неправа: я ни разу не пожалела о «пересадке». Но сообщить им об этом я не успела: обе вскоре умерли, почти в одно время.

Откуда ко мне польский язык? Из книжек. Одна одесская знакомая посоветовала: берешь детектив с ключиком или таксой на обложке (их иногда продавали в магазине «Дружба» на углу ул. Советской армии и Дерибасовской), кладешь рядом словарь – и читай! Хороший детектив, начав, не бросишь. А зачем мне тогда в Одессе этот «иностранный для бедных», как кто-то сказал? Ну все-таки. Из журнала «Film polski» можно было узнать кое-что о мировом кинематографе. Юмористическая «Przyjaciółka» («Приятельница») была по-хорошему остроумна... Польша стала для меня границей без проблем языка. Ходишь по улице, едешь в трамвае – и все понимаешь, и тебя понимают.

Я дважды почти по месяцу успела погостить в Польше из Одессы, еще до перемены ПМЖ. Первый раз попала туда, когда к власти пришла Солидарность. Остановилась у Зоськи и видела по телевизору ежевечернее выступление перед народом кого-либо из авторитетных, уважаемых сограждан: актеров, писателей, политиков. Такой человек объяснял населению, что происходит в стране. И каждое его (ее) выступление заканчивалось призывом:

«Не стой! Не медли! Действуй!». Помнится, тогда прозвучало сообщение, как некий мужчина взялся убирать мусорники во дворах – и сделал дело доброе для города и прибыльное для своей семьи.

Между прочим, поляки тогда показали в прямом эфире жуткую сцену растерзания Чаушеску и его супруги руками «простых румын». Российское перестроечное TV от такой «натуры» воздержалось.

Услышав по радио о традиционном шествии еврейских детей от приюта, откуда они вышли вместе со своим опекуном Яном Корчаком в свой последний путь – на станцию, к вагону на Треблинку, я решила присоединиться. Зося уходила с утра на работу и объяснила мне, на каком углу я смогу дожждаться колонны. Задав пару вопросов прохожим, я это место нашла. Подошла молодая блондинка, спросила: «Пани до Корчака?». Услышав положительный ответ, предложила не ждать, она дорогу знает. И пока мы шли, эта полька рассказывала об организаторах и героях восстания в Варшавском гетто. Она – член Общества имени Эдиты Штайн, в таких шествиях участвует ежегодно.

Я не знала этого имени – Эдита Штайн. Попутчица рассказала: девушка, родившаяся одиннадцатой в еврейской религиозной семье, стала атеисткой и уехала в Австрию учиться истории и философии. Сумела пробиться в университет, куда девушек тогда не принимали. Успешно его окончила, получила ученую степень. В зрелом уже возрасте стала верующей католичкой, приняв имя Тереза Бенедикта Креста. Как ни прятали ее по монастырям монахини, эзсовские ищейки сумели найти еврейку-католичку, и она тихо сдалась, не поставив в известность наставницу: не желала будоражить сестер-монахинь. И погибла в Биркенау одновременно с Корчаком и детьми его приюта. Будучи уже в Израиле, я услышала по радио, что Папа Римский Иоанн Павел Второй признал Эдиту Штайн святой. Она стала второй после Девы Марии еврейкой, возведенной в столь высокую христианскую степень.

Как рассказала мне новая знакомая, с которой мы шли тогда «путем Корчака» к площади Памяти повстанцев варшавского гетто, Общество Эдиты Штайн, членом которого она, полька, является, проповедует единение верующих иудеев, католиков и православных.

К сожалению, я свой прекрасный двухтомный польско-русский – русско-польский словарь с собой не взяла, показалось, что обойдусь уже. Однако без употребления язык постепенно теряется. Выручил пан Владислав: прислал по почте последний выпуск толстого «Словника», который у меня и сегодня под рукой.

В настоящее время, когда в мире колеблются, а кое-где рушатся все моральные и нравственные устои, поднимает голову антисемитизм. И в столь опасной ситуации один из «верхних» израильских политиков, слабовато знающий историю еврейского народа и мира, ссорит Израиль с Польшей, называя ее главным пособником устроителей Холокоста. Ну проконсультируйся хотя бы в мемориале Яд Вашем, там тебе скажут, что треть Праведников мира – это поляки! И ты, пришедший в политику недостаточно образованный амбициозный еврей, должен бы все-таки знать, что в современном мире Польша поддерживает нашу Страну на международном уровне...

Мне по душе определение, которое дал польскому антисемитизму Адам Михник: «стойкий традиционный». Спросим себя, где, в какой стране это явление отсутствует, особенно сейчас, когда антисемиты обнаруживают себя даже там, где евреи сроду не жилали? Но возьмем во внимание и то, что Михник называет «польским парадоксом», это когда идеологический Пан Антисемит становился фактическим Праведником мира. И да воздастся каждому по делам его.

Сейчас, когда открываются (увы, все еще не полностью) архивы карательных систем бывшего СССР и его сателлитов, в том числе Польши, многое видится не так, как мы усвоили из советских учебников и СМИ. За фактами ходить недалеко – Интернет под рукой. Взять хотя бы еврейские погромы, прокатившиеся в Польше во время войны. Было? Было! Но вот свидетельство Михаила Моше Хенчинского, еврейского мальчика из Лодзи, на глазах которого отправили в газовую камеру Освенцима его родителей. Чудом выживший мальчик стал высокопоставленным офицером польской контрразведки, впоследствии профессором-экономистом Иерусалимского и Гарвардского университетов. В книге «Одиннадцатая заповедь: не забывай», изданной в 2007 году в Иерусалиме,

он, в частности, рассказывает о погроме 4 июля 1946 года в городе Кельце, где поляки убили около ста евреев. Оказывается, за несколько дней до погрома в тот городок в качестве советника прибыл Михаил Александрович Демин, офицер советской разведки высокого ранга. Местные жители видели его в форме польского офицера. А через несколько лет Демин оказался в Тель-Авиве на месте секретаря советского посольства. Исчезнув оттуда сразу после Шестидневной войны, он всплыл затем в Германии в качестве главы торговой фирмы (о той «фирме» можем строить догадки). Мог вмешаться и остановить погром гарнизон советской армии, который находился поблизости, но не остановил. Эти и другие собранные Хенчинским факты приводят его к выводу: погром в Кельце был организован Смершем или другой советской силовой службой. Не оправдывая поляков-исполнителей, автор замечает, что в довоенном прошлом этого города погромов не было, отсюда никогда не изгоняли евреев. Кому понадобились тогда погромы в Польше? У Хенчинского такие предположения: Сталину, чтобы оправдать легитимность захвата «антисемитской страны», или коммунистическому правительству самой Польши (в составе которого и евреи, между прочим, были) – дабы превратить ее в монациональное государство, без немцев, евреев и украинцев...

Пора, однако, вернуться к началу статьи, к неожиданному звонку из Варшавы. Пан Владислав, оказывается, интересовался своей землячкой Хеной – не мог до нее дозвониться. Я сказала, что она уже несколько лет не живет в хостеле: дочь сняла для нее с мужем квартиру в Реховоте, где с ними поселилась метапелет для постоянного ухода. Известно, что Илья, супруг Хены, покинул сей мир. Что с ней, я не знала, обещала узнать и сообщить варшавянину.

Развернув бумажку с номером телефона, переданную соседкой, которая время от времени общалась с Хеной, я обнаружила: он прежний, тот же, что у меня есть. И дозвонилась с первой попытки! Девяностовосьмилетняя Хена отозвалась, уточнила, какая Белла (в хостеле у меня были две тезки), и дала добро на телефонное общение с паном Владиславом, о чем я тут же его уведомила.

Юдит слева

Все получилось, и в тот же вечер мы с ним возобновили беседу, в которой вдруг прозвучало неожиданное, ошеломительное сообщение поляка: «У меня живет в Иерусалиме дочь, Юдит. Она еврейка». «Дайте ей мой телефон!» – только и сумела я сказать, после чего поспешила закончить разговор, чтобы перевести дух.

И стала размышлять. Я знаю, что у него в семье не было и нет евреев. Что соболезнавание жертвам Холокоста – личная жизненная позиция Владислава. У этого поляка был брак с еврейкой? У него есть дочка, прижитая на стороне? Кравчуки удочерили еврейскую сиротку? Спрашивать незачем – хорошо, что это сразу пришло мне в голову. И остается теперь ждать звонка. Если его

не будет – пусть так и останется, допытываться у пана Владислава подробностей на эту тему не стану.

Однако звонок последовал через несколько дней. Женщина представилась на иврите. Услышав в моем ответе пару польских слов, перешла на явно родной для нее «ензык», а затем и на русский – значит, в школе училась во время ПНР, когда правили в ее стране коммунисты. Я пригласила Юдит к себе в хостел, в Мазкетет-Батья. Она готовно согласилась.

И вот передо мной высокая пригожая женщина. Прямые черные волосы до плеч, вполне светская одежда. Какая-то сразу своя. Выставила свежайший творожный рулет, который привезла с собой, осмотрелась – не надо ли что сделать. Не надо было: моя соседка и добрая помощница Дарья подготовила стол к чаепитию.

Усевшись напротив меня, гостя стала рассказывать, как она, уроженка Варшавы Магда, родная дочь инженера Владислава и врача Терезы Кравчуков, потомственных поляков, стала обитательницей Иерусалима Юдит Фустер. Это произошло в 1997 году, ей тогда исполнилось двадцать лет. Как, почему? А само собой, она так о себе почувствовала. Родители ее поняли. Здесь она вышла замуж за Йосефа Фустера, урожденного марана родом из Испании. Надеюсь, моим читателям не надо объяснять, кто такие мараны. На всякий случай вот справка из Интернета: «Мараны – это насильно крещенные евреи Испании и Португалии в период XIV-XVII веков».

Сейчас Юдит пятьдесят шесть лет, она работает секретаршей в больничной кассе Клалит. Муж старше нее на пять лет, он стал в Израиле раввином. У них пятеро детей, две девочки и три мальчика. Юдит недавно побывала с девочками у родителей в Варшаве. Эта еврейская семья часто видится со старшими, поляками.

Вот такая история. Кто-то стремится уйти от своего еврейства, а кто-то к нему приходит...

Израиль

